

Купленную бамбуковую трубку небрежно оставили на кухонном столе, а мясо сложили в сухой таз и убрали в шкаф.

Готовя ужин, Нин Гуйчжу сказал:

— Сегодня ляжем пораньше.

— А-а... — разочарованно протянул Сюн Цзиньчжоу, но, вспомнив о завтрашних делах, всё же нехотя ответил: — Ну ладно.

Жатва пшеницы требовала немалых сил. За себя он не переживал, но если Чжу-гер ночью плохо выспится, завтра днём у него не хватит энергии, работа пойдёт медленнее, и перед родителями будет неловко.

Услышав этот тон, Нин Гуйчжу поднял руку и легонько стукнул его по голове.

— Всего несколько дней. Тебе и самому пора немного умерить пыл, а то потом ещё навестывать придётся.

Сюн Цзиньчжоу нахмурился и озадаченно спросил:

— Чжу-гер, тебе разве недостаточно?

Ведь только вчера ночью Нин Гуйчжу, плача, просил его остановиться. Значит, он вроде бы справился неплохо?

Нин Гуйчжу:

— ...

На белоснежных щеках мгновенно вспыхнул румянец. Он с головной болью потёр лоб и снова задался вопросом: кто из них двоих вообще человек из древности?

Совсем язык без костей.

Нин Гуйчжу перестал обращать на него внимание.

Сюн Цзиньчжоу продолжал помогать рядом, всё ещё размышляя, неужели и вправду не удовлетворил фулана. Жаль, завтра убирать пшеницу, иначе сегодня ночью он непременно доказал бы делом, что вполне способен.

После ужина они искупались, а на улице всё ещё было светло. Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин зашли ненадолго, забрали пряный рассол и собирались, пока не стемнело, сварить в нём партию сушёного тофу. Тогда завтра после полудня, когда они повезут заказы, можно будет, как советовал Нин Гуйчжу, добавить немного новогопряного тофу и посмотреть на реакцию лавок.

Что же до приготовленного днём, Ван Чуньхуа сказала:

— Чжу-гер, потом всё равно тебе готовить из него блюда, так что пусть пока остаётся у вас.

— Без проблем, — кивнул Нин Гуйчжу.

Супруги ушли. Сюн Цзиньчжоу подтащил табурет и сел рядом с Нин Гуйчжу, неторопливо обмахивая его плетёным веером. Тот тем временем переплетал бамбуковые полоски, постепенно придавая им форму ровной квадратной корзины. Он собирался поставить её в комнате, чтобы появилось ещё одно место для хранения вещей.

Корзина для одежды и постельных принадлежностей не могла быть маленькой, поэтому к наступлению темноты Нин Гуйчжу успел сделать лишь половину. К счастью, основа уже была готова, и можно было не бояться, что бамбуковые полосы расползутся. Остальное вполне можно было закончить позже.

Они закрыли кур и уток, потом несколько раз обошли весь двор, разыскивая кошек. В конце концов обнаружили их забившимися в укромный угол и с интересом наблюдавшими, как люди без толку носятся туда-сюда. Котят поймали, отнесли на задний двор и оставили под присмотром собак.

Когда Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу повернулись обратно, они увидели, что Маньтоу уже заснул в своём навесе.

Они оба стали двигаться тише и, стараясь не шуметь, вернулись в заднюю часть дома, сняли верхнюю одежду и легли спать. С тех пор как они начали больше заниматься физическими упражнениями, уже давно не ложились так рано. Теперь, оказавшись рядом, оба некоторое время не могли уснуть. Нин Гуйчжу перевернулся и отодвинулся к внутренней стороне кровати.

— Жарко. Не обнимай меня.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...Я тогда буду обмахивать тебя веером.

— Не надо, всё равно жарко.

Нин Гуйчжу лежал с закрытыми глазами у стены, не двигаясь с места.

— Когда закончим с пшеницей, принесём ещё бамбука. Обязательно надо сделать бамбуковую кровать и прохладную циновку.

Видя, что ему действительно мучительно жарко, Сюн Цзиньчжоу отозвался и поднял руку повыше, направляя на него прохладный ветерок от веера.

Нин Гуйчжу некоторое время с удовольствием лежал под ветерком, а потом медленно сказал:

— Себя тоже обмахивай.

В голосе Сюн Цзиньчжоу слышалась улыбка:

— До меня и так ветер доходит.

Небо постепенно темнело, жара понемногу спадала. Сквозь широко распахнутые двери и окна в комнату проникал ветер, принося лёгкую прохладу. Веер в руке Сюн Цзиньчжоу постепенно замер, и, лежа на некотором расстоянии друг от друга, они слушали дыхание другого, пока не уснули.

Утро.

Небо ещё не успело посветлеть, а вся семья уже поднялась.

Нин Гуйчжу быстро готовил еду и сказал вошедшему после кормления кошек и собак Сюн Цзиньчжоу:

— Сходи в передний дом, спроси у отца с матерью, когда они смогут прийти.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу отозвался, поставил у очага ведро воды и, выходя из дома, не забыл захватить бамбуковую корзину и серп. Он сходил в передний дом, получил ответ и по пути назад решил нарезать немного травы для кур и уток.

На горизонте едва проступал тусклый рассветный свет. Сюн Цзиньчжоу срезал траву, когда вдруг услышал шорох - что-то юркнуло мимо него. Он машинально бросился следом на пару шагов, а убедившись, что это была змея, с сожалением остановился.

Спугнул её, и она уже успела далеко уползти.

В памяти всё ещё был свеж вкус змеи, которую Нин Гуйчжу готовил в прошлый раз. Сюн Цзиньчжоу снова наклонился срезать траву, прикидывая, что как-нибудь надо будет взять факел и ночью сходить в горы, поймать несколько змей на еду.

Сюн Цзиньчжоу высыпал принесённую траву в загон, затем с вещами в руках прошёл на задний двор. Осматривая овощи, он заодно снимал всех попадавшихся на глаза насекомых и бросал их в бамбуковую корзину.

Нин Гуйчжу заметил его через заднее окно кухни и спросил:

— Когда вернулся?

— Только что.

— А. — Нин Гуйчжу кивнул. — Отец с матерью уже встали? Сказали, когда придут завтракать?

— Уже давно встали, сейчас занимаются тофу. Сказали, что придут, когда рассветёт.

— Тогда хорошо.

До рассвета оставалось ещё некоторое время, и Нин Гуйчжу вполне успевал приготовить завтрак. Сегодня на завтрак были каша с мясным фаршем и баоцзы с пряным сушёным тофу и мясным фаршем. В кашу он добавил немного кукурузной крупы, а в тесто для баоцзы подмешал мелко смолотую муку из разных злаков, так еда получалась сытнее. Всё-таки семейный достаток ещё не дошёл до того уровня, чтобы каждый мог за каждой трапезой есть белую муку и рис.

Когда Сюн Цзиньчжоу закончил с огородом и вернулся, он увидел, что Нин Гуйчжу уже со всем управился, и спросил:

— Мне ещё что-нибудь сделать?

Нин Гуйчжу подумал и сказал:

— Сходи в погреб, принеси корзину батата. В обед и вечером сварим рис с бататом.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу открыл погреб, засучил рукава и спустился вниз. Нин Гуйчжу ждал рядом. Когда корзина с бататом была наполнена, он сверху помог принять её, а затем отступил, освобождая Сюн Цзиньчжоу место для подъёма.

Аромат еды неспешно поплыл к переднему дому.

Ван Чуньхуа уже поставила тофу под пресс и окликнула Лю Цюхун:

— Мама, иди посмотри. Запомни, сколько класть доухуа и соуса. Чжу-гер говорил: если порции будут отличаться от обычных, покупатели перестанут приходить.

Лю Цюхун поспешно вошла на кухню:

— Как это тоже может влиять?

Сюн Цзиньпин рассмеялся:

— Мама, вот если ты постоянно покупаешь что-то в одном месте, а потом тебе вдруг начинают давать на кусок меньше, ты ещё захочешь туда ходить?

— Конечно нет!

Лю Цюхун ответила почти рефлекторно, а потом поняла смысл сказанного, неловко потёрла нос и принялась смотреть куда внимательнее. Ван Чуньхуа накладывала щедро: продажа доухуа была типичным бизнесом с небольшой прибылью с каждой порции, зато большим оборотом. Лю Цюхун стояла рядом, то и дело охая от жалости к доухуа и соусам, а затем сама наполнила две чашки и спросила Ван Чуньхуа:

— Вот столько?

Боясь, что Лю Цюхун отнесётся к этому несерьёзно, Ван Чуньхуа ещё пересказала ей то, о чём Нин Гуйчжу вчера упоминал между делом. Одним словом, то отпугнёт покупателей, это отпугнёт покупателей - нужно обязательно делать всё точно так же, как во время торговли Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпина, только тогда постоянные посетители продолжат приходить за доухуа.

Изначально Лю Цюхун совсем не нервничала, но после этих объяснений уже не знала, куда девать руки. Увидев это, Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин тут же сменили тон и принялись её успокаивать, стараясь уменьшить напряжение, однако особого успеха не добились.

Пока на кухне шёл разговор, вернулся Сюн Шишань, который заранее вынес часть вещей наружу.

— Уже пора. Пойдёмте, сначала поедим.

— Хорошо.

Раз уж они шли завтракать в задний дом, нельзя было позволить Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу оплачивать все продукты. Поэтому семья взяла с собой мясо, купленное вчера, несколько мешков заранее вынесенного зерна, а также доухуа, который только что приготовила Лю Цюхун.

Дождавшись, когда взрослые наконец выйдут, трое детей нетерпеливо вырвались вперед и вприпрыжку побежали к заднему двору. Подняв руки, они распахнули ворота:

— Учитель, дядюшка, мы пришли!

Сюн Цзиньчжоу выглянул из кухни:

— Как раз собирались вас звать. Сначала мойте руки, скоро будем есть.

Сказав это, он снова скрылся на кухне и вместе с Нин Гуйчжу вынес баоцзы и кашу в главный зал. Поскольку ели всей семьей, баоцзы приготовили много. Они лежали тесно друг к другу, и тесто местами склеилось. Но перед вкусной едой никто не обращал внимания на внешний вид.

Нин Гуйчжу поставил баоцзы на стол и, увидев, сколько всего принесли родственники, спросил:

— Зачем вы ещё столько вещей взяли?

Сюн Шишань, шедший впереди, ответил:

— Это всего лишь зерно и мясо. Не можем же мы позволить вам двоим всё оплачивать. А доухуа ваша матушка приготовила для пробы, заодно потом съедим.

Сюн Цзиньчжоу опередил Нин Гуйчжу, забрал у Сюн Шишаня принесённое зерно и понёс на кухню.

— Поставим здесь, Чжу-гэ будет удобнее готовить.

Он хорошо знал Нин Гуйчжу: тот вечно считал, что раз дома всё есть, то незачем принимать что-либо от родных. Но хотя все они были одной семьей, хозяйства всё-таки уже разделили. Если бы Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу действительно взяли на себя все расходы, не говоря уже о старшем брате с невесткой, даже отец с матерью ещё долго чувствовали бы себя неловко.

Увидев, как Сюн Цзиньчжоу повёл остальных складывать принесённое, Нин Гуйчжу наконец понял его намерение и беспомощно покачал головой.

— Отец, ты пока садись, а я принесу чашки и ложки.

Сюн Шишань сказал:

— Мы принесли ровно девять чашек доухуа. Сначала съедим его, а потом в эти же чашки нальём кашу, так и мыть придётся меньше.

Нин Гуйчжу подумал и решил, что в этом есть смысл, поэтому никуда не пошёл. Вместе с Сюн Шишанем он расставил табуреты вокруг стола, поставил перед каждым чашку доухуа, а кашу и баоцзы передвинул в центр квадратного стола.

— Учитель, мы руки вымыли! — трое детей подбежали и протянули Нин Гуйчжу ладони на проверку.

Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Какие чистые. Хотите, учитель посадит вас на места?

— Не надо, не надо!

Все трое поспешно замотали головами. Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй сначала помогли младшей сестре забраться на табурет, а потом сами, встав на цыпочки, уселись по обе стороны от Сюн Иньинь и с нетерпением уставились на еду на столе.

Нин Гуйчжу дал каждому по баоцзы и сказал:

— Если всё не осилите, доухуа можете съесть поменьше. Учитель сегодня сварил мясную кашу, вот её постарайтесь поесть побольше.

— Хорошо-о...

Пока он возился с детьми, остальные члены семьи Сюн тоже вымыли руки и подошли. Все расселись за столом и под прохладным утренним ветерком принялись завтракать. Доухуа был нежным и шелковистым, с лёгкой сладостью и тонким ароматом соевых бобов, а в сочетании с солоновато-пряными, насыщенными баоцзы с сушёным тофу и мясным фаршем аппетит разыгрывался ещё сильнее. Покончив с доухуа, каждый налил себе по чашке густой, разваристой каши с мясным фаршем. Тёплая вязкая каша согревала желудок, и всё тело сразу наполнялось приятным ощущением сытости и довольства.

Когда завтрак закончился и окончательно рассвело, вся семья принялась за дела.

Сюн Цзиньчжоу, Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа отправились в поле убирать пшеницу. Сюн Шишань остался дома с двумя помощниками продолжать делать тофу, а Лю Цюхун вместе с ещё одним человеком отправилась в уездный город продавать доухуа.

После того как Нин Гуйчжу вымыл посуду и прибрал кухню, он взял две чашки, подхватил кувшин с остывшей кипячёной водой и вышел из дома. Собаки увязались за ним, поскуливая и лая. Нин Гуйчжу стало их жалко, и он выпустил обеих. Он шёл впереди, а две маленькие собаки носились то перед ним, то позади, великолепно изображая живые препятствия под ногами. К счастью, по дороге им попался чей-то большой пёс, который сразу отвлёк их внимание, и Нин Гуйчжу наконец смог идти свободно.

Все шесть му средних полей семьи были засеяны пшеницей, поэтому на жатву вышли самые крепкие работники. Если не считать Нин Гуйчжу, то Сюн Цзиньчжоу, Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа втроем могли убрать всю пшеницу максимум за три дня.

Нин Гуйчжу поставил кувшин с водой и чашки на межу, огляделся и не нашёл своего серпа. Пока он недоумевал, Сюн Цзиньчжоу окликнул его:

— Чжу-гер, ты лучше связывай пшеницу. Верёвки вон там.

Нин Гуйчжу посмотрел туда, куда тот указывал, и увидел связку тонких пеньковых верёвок. Он взял их, закрепил на поясе, вытянул одну верёвку и положил на землю, после чего начал собирать срезанную пшеницу в охапки и туго связывать. Связывать снопы было легче лишь по сравнению с самой жатвой. Работа всё равно требовала немалых сил, да ещё и умения, иначе сноп не затянуть как следует. Пшеницу Нин Гуйчжу раньше не связывал, зато имел дело с рисом, поэтому, немного приноровившись, решил, что разница невелика.

Солнце над головой становилось всё жарче, а пшеница на поле ложилась рядами прямо на глазах. Нин Гуйчжу шёл следом за троими и связывал разбросанные охапки в снопы. Ости царапали кожу, оставляя бесчисленные красные полосы и точки, а пот приклеивал их к телу, отчего всё одновременно чесалось и болело.

Нин Гуйчжу лишь опустил глаза, будто вовсе этого не замечал, и продолжал работать быстро и ловко. Он один и так не успевал связывать за троими жнецами. Если сейчас остановиться на отдых, то после того, как они закончат жать, всем ещё придётся полдня возвращаться и связывать оставшееся. Тогда за весь день и вовсе не останется времени передохнуть.

Кувшин с водой на меже уже опустел. Сюн Цзиньчжоу поднял голову, прищурился на небо и сказал всё ещё занятому Нин Гуйчжу:

— Чжу-гер, уже почти пора. Может, ты сначала пойдёшь домой и начнёшь всё готовить?

Красные следы на руках Нин Гуйчжу были очень заметны. Сюн Цзиньчжоу увидел их ещё в самом начале, но жатва не терпела промедления, и он не мог лишь из жалости уговаривать супруга вернуться домой отдохнуть.

Услышав его слова, Нин Гуйчжу отозвался, закончил связывать сноп, который был у него в руках, отнёс его к меже и спросил:

— Тогда я пойду готовить. Потом вы вернётесь домой есть или...?

— Принеси сюда, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Пока погода солнечная, нужно как можно скорее убрать пшеницу.

Летом погода менялась быстро. Раз уж начали жатву, останавливаться было нельзя: чем раньше урожай окажется дома, тем лучше.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу подошёл к меже, взял кувшин с водой и чашки и поспешил домой. Сюн Цзиньчжоу прошёл мимо него в противоположную сторону, вернулся в поле и вместе со старшим братом и невесткой сначала закончил жать оставшуюся пшеницу на этом му, затем начал связывать оставшиеся снопы и складывать их в одну кучу.

Когда он закончил здесь и снова взял серп, Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа уже успели немало сжать на втором му. Сюн Цзиньчжоу широкими шагами подошёл к ним, нагнулся и снова принялся за работу.

Вернувшись домой, Нин Гуйчжу поставил кувшин и чашки на стол, поднял из колодца ведро воды, намочил полотенце и дважды тщательно протёр руки и шею. Пот и прилипшие к коже пшеничные ости смылись, и Нин Гуйчжу сразу почувствовал себя гораздо лучше. Хотя кожа всё ещё немного зудела, это было вполне терпимо, поэтому он без промедления принялся готовить.

Батат он вымыл, очистил и отложил в сторону. Рис, красную фасоль и немного смешанной крупы тщательно промыл, высыпал в глиняный горшок, добавил батат, накрыл крышкой и поставил томиться на огне.

Пока готовился рис, Нин Гуйчжу отрезал кусок мяса, вымыл его и разделил: часть нарезал тонкой соломкой, часть - небольшими кусочками. Затем очистил от оболочки несколько тонких побегов водяного бамбука, которые принёс вчера, промыл их и нарезал длинными тонкими полосками. После этого сходил на задний двор, сорвал немного перца, вымыл и нарезал кусочками.

На обед он решил приготовить два блюда: мясо с перцем и мясо с бамбуковыми побегами.

Вместе с ферментированным тофу этого вполне хватало к рису.

Прежде чем начинать жарить, Нин Гуйчжу заглянул в глиняный горшок с рисом и длинной ложкой осторожно перемешал содержимое, чтобы всё прогревалось равномерно, после чего усилил огонь в очаге. Когда котёл нагрелся, он добавил масло и первым делом положил мясо. Обжарив его до тех пор, пока края слегка не завернулись, Нин Гуйчжу высыпал перец, добавил приправы и стал быстро перемешивать всё на сильном огне.

В воздух поднялся немного едкий запах. Нин Гуйчжу отвернулся и закашлялся, а когда резкость немного ушла, добавил совсем немного воды и оставил блюдо ненадолго протушиться.

Пока блюдо тушилось, Нин Гуйчжу снова заглянул в глиняный горшок с основной едой. Вот так всегда и бывает без рисоварки: даже когда руки заняты по горло, всё равно приходится время от времени отвлекаться и помешивать рис, иначе внизу он успеет пригореть, а сверху останется сырым.

Присматривая за рисом, Нин Гуйчжу ещё немного протушил мясо с перцем, затем разложил его по двум большим чашкам, вымыл котёл и принялся готовить второе блюдо - мясо с побегами водяного бамбука.

Он как раз был занят у очага, когда ворота во двор открылись. Лю Цюхун быстрым шагом вошла внутрь.

— Чжу-гер, ты уже начал готовить? Я пришла помочь.

Нин Гуйчжу повысил голос:

— Осталось только одно блюдо.

— Так быстро?

Лю Цюхун удивилась. Войдя на кухню, она увидела, что на столе уже стоят две большие чашки мяса с перцем, а в котле перед Нин Гуйчжу как раз обжаривается мясо с побегами бамбука, и его тоже было немало. Пусть блюд было всего два, зато оба с мясом, так что еда получалась совсем неплохой. Лю Цюхун приподняла крышку стоявшего рядом глиняного горшка, перемешала содержимое ложкой и, увидев внутри батат, красную фасоль и разные крупы, удовлетворённо кивнула.

— Сухой рис делаешь или пожиже?

— Сухой, — ответил Нин Гуйчжу. — Если наестся одной жидкой едой, скоро снова проголодаешься.

Получив точный ответ, Лю Цюхун посмотрела, что рис уже почти готов, слила лишний отвар в сторону, накрыла горшок крышкой и убавила огонь в печке.

Мясо с бамбуковыми побегами тоже вскоре дошло. Нин Гуйчжу разложил его по двум чашкам и лишь теперь наконец получил возможность спросить:

— Мама, как сегодня торговля?

Лю Цюхун сразу радостно заулыбалась.

— Прекрасно! Я ещё переживала, что люди меня не знают и побоятся покупать. А кто бы мог подумать - только выставили прилавок, как сразу подошли покупатели. Даже воды некогда было глотнуть.

Нин Гуйчжу тоже улыбнулся:

— Старший брат с невесткой действительно хорошо поставили дело.

Торговцев в городе было немало, и добиться такого результата могли только действительно умелые люди. Услышав похвалу сыну и невестке, Лю Цюхун согласно закивала. Обычно дома у неё было полно мелких дел, поэтому в уезд она выбиралась редко. На этот раз, хотя большую часть времени пришлось работать, всё равно удалось увидеть немало нового. И теперь Лю Цюхун не терпелось поделиться впечатлениями с Нин Гуйчжу.

Самые обычные вещи в устах Лю Цюхун становились удивительно интересными. Нин Гуйчжу слушал внимательно, время от времени согласно поддакивал, и от этого Лю Цюхун всё больше входила во вкус. Они остановились лишь тогда, когда еда в глиняном горшке уже выглядела полностью готовой.

Нин Гуйчжу отложил порцию для двух взрослых и троих детей, вытер дно чашки с ферментированным тофу и поставил её в глиняный горшок. Сам горшок уложил в бамбуковую корзину, туда же положил четыре комплекта чашек и палочек. Затем подхватил две чашки с блюдами и сказал:

— Мама, не забудь позвать отца. Я сначала пойду в поле.

— Помню. Иди помедленнее, не упави, — кивнула Лю Цюхун.

Проводив Нин Гуйчжу взглядом, Лю Цюхун взяла кувшин с водой, прошла через передний дом, окликнула Сюн Шишаня и тоже направилась к полю.

Сюн Шишань, услышав её, сказал работникам во дворе:

— Передохните. Сходите домой пообедайте, потом возвращайтесь.

Трое тётушек кивнули, закончили то, чем занимались, и ушли. Ещё вчера семья Сюн заранее предупредила их, что во время уборки пшеницы не сможет готовить им обед, поэтому придётся есть дома. Зато к дневной оплате добавят по пять медяков.

Проводив работников, Сюн Шишань ещё раз осмотрел дом, убедился, что всё убрано как следует, огонь на кухне погашен и за время обеда ничего не опрокинется и не рассыплется. После этого он запер ворота и вместе с тремя детьми отправился в задний двор.

У края поля Нин Гуйчжу выбрал большое дерево, расставил в тени принесённые блюда и окликнул троих, всё ещё работавших в поле. Затем присел, достал из горшка фужу, соскрёб прилипший ко дну чашки рис на землю и принялся накладывать еду.

Лю Цюхун поспешно подошла и поставила кувшин с водой на землю.

— Чжу-гер, воду оставляю здесь. Когда снова пойдёте в поле, не забудьте перенести её ближе.

— Хорошо.

Трое как раз вышли с поля. Увидев Лю Цюхун, они поздоровались, а Ван Чуньхуа между делом спросила, как прошла утренняя торговля.

Услышав, что всё было очень хорошо, она широко улыбнулась:

— Я же говорила, мама у нас такая способная, конечно всё получится!

К этому времени Лю Цюхун уже поняла, что утром её нарочно напугали, и, одновременно смеясь и досадуя, ткнула Ван Чуньхуа пальцем:

— Ах ты... Вместе со старшим специально меня запугивали.

Ван Чуньхуа тут же несколько раз примирительно отозвалась, взяла Лю Цюхун за руку и наговорила ей столько приятных слов, что та вскоре снова сияла улыбкой. Лишь после этого она отпустила её обедать.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сидели рядом. Сюн Цзиньпин передал Ван Чуньхуа чашку с рисом и сказал:

— Мясо с перцем, которое приготовил Чжу-гер, отлично идёт с рисом. Я положил тебе немного.

— За собой следи, я сама возьму, — небрежно ответила Ван Чуньхуа и, заметив ещё и мясо с бамбуковыми побегами, спросила: — А это когда успели набрать?

— Вчера, когда вернулся, сходил немного по лесу, — ответил Нин Гуйчжу. — Все побеги сегодня приготовил, из собранного остались только пастушья сумка и амарант.

— Ты вчера ещё и в лес ходил?

Вчера и без того было немало дел: до самого полудня продавали доухуа, после возвращения нужно было варить рассол для маринования, готовить сянгань, а ещё учить троих детей. Дел у Нин Гуйчжу хватало, поэтому Ван Чуньхуа никак не ожидала, что он вдобавок успел сходить в лес.

— Подумал, что овощей дома может не хватить, вот и сходил, — ответил Нин Гуйчжу.

На этом разговоры почти закончились. После целого утра тяжёлой работы все четверо склонились над едой. Острое и ароматное мясо с перцем исчезло первым, даже оставшийся на дне сок поделили и смешали с рисом. Следом быстро доели мясо с бамбуковыми побегами. Только фужу осталось немного на дне чашки - основные блюда оказались слишком уж хороши.

Сюн Цзиньчжоу протянул руку:

— Чжу-гер, дай чашку.

Нин Гуйчжу с недоумением повернул голову, но всё же передал ему свою чашку. Сюн Цзиньчжоу поднялся, налил из кувшина две чашки воды, вернулся и сел рядом с Нин Гуйчжу, чтобы ещё немного отдохнуть, пока они пьют.

На стенках чашки плавали капельки жира, а Нин Гуйчжу не слишком любил пить такую воду. Сделав всего пару глотков, он отдал чашку Сюн Цзиньчжоу. Тот не стал отказываться, одним махом допил воду и поставил чашку в глиняный горшок. Немного передохнув, Сюн Цзиньчжоу поднялся.

Сюн Цзиньпин жестом показал ему идти первым, а Ван Чуньхуа сказал:

— Ты ещё посиди. Чуть позже придёшь.

— Хорошо, — не стала отказываться Ван Чуньхуа.

Она столько лет занималась тяжёлой работой и силой обделена не была, но по сравнению с двумя братьями, которые от природы были заметно крепче обычных людей, всё же сильно уступала. Только что поев и усевшись в тени дерева, она и вправду не могла сразу заставить себя подняться.

Нин Гуйчжу утром пришёл позже остальных, да ещё и раньше ушёл готовить обед, поэтому устал меньше и поднялся без труда. Собрав чашки и палочки в бамбуковую корзину, он сказал:

— Невестка, я сначала схожу домой. Скоро вернусь.

— Ничего, делай всё не спеша, торопиться некуда, — махнула рукой Ван Чуньхуа.

Обычно Нин Гуйчжу держался как человек учёный и утончённый, поэтому ни она, ни Сюн Цзиньпин изначально не рассчитывали, что он сможет много работать в поле. Утром же, увидев, как усердно он трудится, Ван Чуньхуа теперь поневоле немного беспокоилась, как бы он не свалился от усталости.

Нин Гуйчжу уловил смысл её слов:

— ...

По дороге домой ему встретился ещё один человек, за которого точно так же опасались, как бы он не свалился прямо в поле, - Сюн Цайлянь.

— Чжу-гер, — первым поздоровался Сюн Цайлянь. Заметив бамбуковую корзину у него за спиной, он приподнял руку, показывая то, что нёс сам, и с беспомощной улыбкой сказал: — Похоже, нас обоих отправили заниматься работой полегче.

Нин Гуйчжу немного подумал и решил отстоять свою честь:

— Я готовил еду.

Сюн Цайлянь, готовить не умевший:

— ...

В обычное время в этих словах не было бы ничего особенного, но сейчас в голове Сюн Цайляня почему-то сами собой всплыли два слова: «Я проиграл».

Увидев, что Сюн Цайлянь лишился дара речи, Нин Гуйчжу едва заметно улыбнулся.

Сюн Цайлянь беспомощно покачал головой и заговорил о прежних планах:

— Вообще-то я собирался воспользоваться выходным Цзиньчжоу и зайти к тебе, чтобы кое-что обсудить. Но родители сказали, что вы наняли работников и ещё какой-то навес строите, вот я и не стал мешать. Теперь даже не знаю, когда ещё представится возможность.

— В ближайшие полмесяца я свободен, так что смотря когда будет удобно второму старшему брату, — ответил Нин Гуйчжу.

Сюн Цайлянь удивился:

— Полмесяца?

Нин Гуйчжу кивнул:

— Через полмесяца нужно будет ехать в уезд учить людей другим ремёслам. После этого какое-то время свободным уже не буду.

— Вот как, — Сюн Цайлянь вспомнил то, что слышал о ткацком деле, и сказал: — Важные дела прежде всего. Мне самому скоро ехать на экзамены. Когда вернусь со степенью цзюйжэня, смогу оставаться дома до Нового года. Тогда время наверняка найдётся.

Нин Гуйчжу улыбнулся и совершенно искренне ответил:

— Тогда и поговорим, когда вернёшься со степенью цзюйжэня.

За разговором они дошли до развилки. Сюн Цайлянь попрощался и свернул налево, а Нин Гуйчжу с корзиной за спиной продолжил путь.

Когда он вернулся домой, Лю Цюхун как раз мыла чашки и палочки. Увидев Нин Гуйчжу, она поднялась:

— Я уже думала: если ты ещё немного не вернёшься, сама пойду за чашками.

Нин Гуйчжу вошёл на кухню, взял две чистые чашки и объяснил:

— По дороге встретил двоюродного брата Сюн Цайляня, немного с ним поговорили.

— А-а, — рассеянно отозвалась Лю Цюхун, занятая мытьём посуды.

Нин Гуйчжу заглянул в оставшийся дома глиняный горшок и, увидев, что вода в нём всё ещё горячая, вынужден был взять чашки и выйти из кухни.

— Мама, я тогда пойду обратно в поле.

— Хорошо, — кивнула Лю Цюхун. — Попозже, когда отец развезёт тофу, пусть запряжёт мула и поедет за пшеницей.

— Хорошо-о.

Нин Гуйчжу взял две чашки и вернулся к полю. По пути он заодно налил воды Ван Чуньхуа, сам тоже выпил немного, затем поднял кувшин и сказал:

— Невестка, я отнесу его поближе.

— Я с тобой.

Ван Чуньхуа поднялась, взяла две чашки и пошла рядом. Поставив всё ближе к Сюн Цзиньпину и Сюн Цзиньчжоу, она снова взяла серп и продолжила жать, а Нин Гуйчжу принялся собирать срезанную пшеницу и туго связывать её в снопы.

Время в работе летело незаметно. Солнце постепенно сместилось к западу. Сюн Шишань закончил развозить товары по лавкам уезда, дал мулу немного передохнуть, а затем приехал за пшеницей.

Снопы один за другим укладывали на тележку, и Сюн Шишань отвозил их во двор Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу. Их двор был просторным. Стоило только сложить бамбуковые ветки вдоль стены, как освобождалось достаточно места, чтобы сушить там пшеницу. Привезённые снопы раскладывали на циновках, и даже праздно слонявшимся детям нашлось дело.

Лишь когда солнце уже почти село, Нин Гуйчжу прекратил связывать пшеницу, немного размял ноющее тело и вернулся домой готовить ужин. Аромат еды вскоре поплыл из кухни. Дети, которые сидели во дворе и сторожили пшеницу от птиц, то и дело поднимали головы и заглядывали в сторону кухни, буквально истекая слюной.

Время обычного ужина давно прошло, и они уже проголодались.

Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, Сюн Шишань привёз последнюю партию пшеницы. Трое, работавших в поле, тоже вернулись, каждый неся по два снопа, и сначала разложили всё во дворе.

Услышав движение, Нин Гуйчжу выглянул наружу, затем сходил в спальню, отрезал кусок

льняной ткани и положил его на деревянный стол у колодца.

— Потом вытретесь. Так будет немного легче.

Сюн Цзиньчжоу поднял голову, заметил приготовленное полотенце и отозвался, показывая, что понял.

Несколько человек закончили раскладывать пшеницу, стерли с кожи приставшие ости и, притащив табуреты, уселись под навесом отдыхать. Тем временем Лю Цюхун проводила работников, немного прибрала передний дом и тоже пришла во двор позади.

Увидев толстый слой разложенной по двору пшеницы, она расплылась в широкой улыбке, присела, наугад выщипнула несколько зёрен и радостно сказала:

— Вот это урожай!

Услышав её слова, вся семья невольно заулыбалась.

Слова «богатый урожай», когда бы их ни услышал человек, неизменно вызывают искреннюю радость.

Лю Цюхун ещё немного полюбовалась пшеницей, затем засучила рукава и вошла на кухню помогать Нин Гуйчжу готовить. С её помощью ему больше не приходилось постоянно отвлекаться на глиняный горшок с рисом, и дело пошло заметно быстрее. Рядом уже стояла чашка супа с мясным фаршем и зеленью. Нин Гуйчжу приготовил ещё одну чашку зелени, обжаренной с мясной соломкой, поставил её рядом, затем вымыл котёл и принялся карамелизовать сахар.

Когда из кухни поплыл солоновато-сладкий аромат, Сюн Цзиньчжоу отодвинул ногой вертевшуюся рядом собаку, не выдержал, поднялся и вошёл внутрь. Подойдя к Нин Гуйчжу, он спросил:

— Как называется это блюдо?

— Хуншаожоу, тушёная свинина в карамельно-соевом соусе. Очень вкусная.

Впрочем, ему даже не требовалось это говорить: одного запаха было достаточно, чтобы Сюн Цзиньчжоу понял - блюдо точно получится превосходным. Всё равно сидеть без дела было скучно, поэтому он вынес две уже готовые чашки с едой, вернулся на кухню, немного покрутился там, затем открыл шкаф, достал немного фужу и тоже отнёс в главный зал.

Так, снуя туда-сюда, он незаметно скоротал время, и вскоре хуншаожоу уже почти был готов.

Нин Гуйчжу выловил из котла корицу и бросил её перед очагом. Едва он переложил мясо в чашку, как дежуривший рядом Сюн Цзиньчжоу тут же подхватил её и понёс наружу.

Лю Цюхун, наблюдавшая всё это от начала до конца, не удержалась и фыркнула на сына:

— Вот ведь...

Сюн Цзиньчжоу сделал вид, будто ничего не услышал.

Нин Гуйчжу с улыбкой покачал головой и спросил:

— Мама, рис уже почти готов?

Лю Цюхун отвлеклась от сына, сняла крышку с горшка, посмотрела внутрь и ответила:

— Нужно ещё немного потомить. Ты пока носи чашки и палочки. Всё можно поставить на стол, только рис пока не накладывай.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу достал чашки и палочки, но не успел пройти и пары шагов, как навстречу снова появился Сюн Цзиньчжоу и забрал всё у него из рук. Вдвоём они отправились в главный зал.

Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин расставили табуреты. Увидев, что они идут, оба освободили место, чтобы те могли поставить чашки и палочки. Следом вошла Лю Цюхун, поставила глиняный горшок и повесила тряпку на спинку свободного стула.

Вся семья расселась за столом. Каждому налили по половине чашки супа. Они ели блюда, запивая их супом, а к тому времени, как суп закончился, поспел и рис. Сытная, добротная еда наполняла желудок, а мясные, по-настоящему вкусные блюда делали ужин ещё приятнее. Вся тяжесть прожитого в трудах дня в этот миг обернулась глубоким удовлетворением.

После ужина все вынесли стулья, выбрали себе места поудобнее и расселись отдыхать, наблюдая, как постепенно меркнет вечерняя заря на горизонте. Усталость наваливалась всё сильнее.

Прежде чем разойтись, вся семья сообща вымыла кухню, прибрала главный зал, перемыла котлы, чашки и прочую утварь. Затем они отодвинули столы, стулья и табуреты в главном зале и перетаскили туда пшеницу прямо вместе с циновками для просушки, чтобы внезапный ночной дождь не намочил урожай.

Когда со всем закончили, уже почти стемнело.

Проводив родных, Нин Гуйчжу закрыл ворота во двор. Обернувшись, он увидел, как Сюн Цзиньчжоу выходит из кухни, собираясь кормить домашних животных. Нин Гуйчжу тихо выдохнул, сразу почувствовав необыкновенную лёгкость во всём теле, и быстрым шагом последовал за ним.

Накормив своих маленьких питомцев, они, держась за руки, вернулись на кухню, наполнили котёл водой и поставили её греться. Нин Гуйчжу прислонился к Сюн Цзиньчжоу и зевнул:

— Спать хочется.

Сюн Цзиньчжоу обмахивал его веером.

— Тогда, как вода нагреется, ты первым помоешься и сразу ложись. Одежду я постираю.

Нин Гуйчжу слегка повернул голову, потёрся щекой о его плечо и сонно пробормотал:

— У меня всего один комплект одежды из грубой конопляной ткани. Завтра снова его надевать.

Остальная одежда досталась прежнему владельцу этого тела ещё от хозяйской семьи. Хотя ткань тоже была самой обычной, по прочности она всё же уступала грубой конопляной, поэтому надевать такую одежду для работы в поле не стоило.

Сюн Цзиньчжоу повернул голову и поцеловал Нин Гуйчжу:

— Тогда я постираю тебе нижнюю одежду.

Нин Гуйчжу:

— ...

В современности нижняя одежда была всего лишь обычной одеждой. Не говоря уже о возлюбленных, даже друзья вполне могли помочь друг другу с её стиркой, и в этом не было ничего особенного. Но эпоха была другой, а потому и значение подобной вещи стало иным.

Нин Гуйчжу перебирал пальцы Сюн Цзиньчжоу и лишь спустя долгое время, окончательно одолеваемый сонливостью, тихо согласился:

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу помог ему устроиться поудобнее и негромко замурлыкал неизвестно где услышанную мелодию, убаюкивая его хотя бы ненадолго.

Нин Гуйчжу разбудили лишь тогда, когда вода закипела. Вымывшись, он немного пришёл в себя и, пока Сюн Цзиньчжоу купался, всё-таки сам постирал свою нижнюю одежду и развесил её на шесте для сушки. Выйдя, Сюн Цзиньчжоу увидел это, но ничего не сказал. Он лишь быстро постирал свою одежду, тоже развесил её, а затем подхватил на руки Нин Гуйчжу, который упрямо продолжал сидеть рядом, и унёс его в комнату.

Едва коснувшись постели, Нин Гуйчжу почти сразу уснул. Сюн Цзиньчжоу ещё некоторое время обнимал его и обмахивал веером, разгоняя духоту, а затем тоже погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/14958/1865953>